

Инструмент осознания

Тексты, собранные в этой книге, очень разные, как и их авторы. Однако у авторов есть одна общая черта, своеобразное фамильное сходство: их научное творчество так или иначе несет на себе отпечаток непосредственного знакомства с Альбертом Кашфуловичем Байбуриным. Вообще говоря, ученых, которые испытали влияние — и притягательность — его работ, на свете много. Не будет преувеличением сказать, что несколько поколений исследователей «вышли», будто литераторы из «Шинели» Гоголя, из книги про ритуал в традиционной культуре, а также отчасти из книги про жилище и, конечно, из книжечки про этикет (Байбурин 1983, 1993; Байбурин, Топорков 1990). Текст представляет собой программу, которая проводит читателя через серию испытаний, в результате которых читатель порождает смыслы, более или менее успешно протаптывая в своем уме ту тропинку, по которой впервые прошел автор текста. Кроме этой тропинки, наших авторов роднит между собой еще и влияние личности Альберта Кашфуловича. Ведь в этом, собственно, и заключается смысл ученичества. Избранным из нас выпало не только знакомство с обаянием, остроумием и глубиной Байбурина-лектора, но и возможность, находясь с учителем в одной среде, поначалу подражать ему, а потом уже самостоятельно работать, научившись хотя бы в какой-то мере глядеть на вещи его глазами. Это и называется научная школа.

У нее есть не только сторонники, ведь тартуско-московская семиотика и та ее ветвь, которая когда-то вполне органично обратилась к изучению фольклора и мифологии, испытывала острые стилистические и иные разногласия с другими направлениями и, в частности, с идеологизированной советской этнографией, которая часто просто не могла понять, «чем занимаются все эти структуралисты, Леви-Стросс и Байбурин». В чем нельзя отказать этой формуле, подслушанной в кулуарах одного научного учреждения, так это в интуиции масштаба явления.

Сменяются академические моды. Меняется язык описания, претерпевают изменения приемы рассуждения и критерии научности, появляются новые методы анализа. За полвека, отданные Альбертом Кашфуловичем науке, доминирующие в гуманитарных и общественных науках парадигмы поменялись не единожды. Например, семиотика, о преподавании которой в Петербурге, в подражание Тарту, можно было бы только мечтать в 1980-е, сегодня уже завершила свой цикл развития и заняла достойное место в интеллектуальном ландшафте XX в. — и только теперь, когда она давно уже перестала быть опасной в качестве потенциального претендента на место ключевого метода гуманитарных наук, ее допустили и даже предписали в качестве дисциплины в государственных

университетах. В результате, возможно, сегодняшним студентам станут более понятны работы тартуанцев, имеющие отнюдь не только исторический интерес. Ведь уже и в период «штурма и натиска» начала 1960-х, когда энтузиастам не терпелось хотя бы просто попробовать новый категориальный аппарат, новый язык описания на разном материале, появлялись работы, где новшество было не только в словах, но и в идеях и результатах. Поэтому они не устаревают. Таковы работы Ю. М. Лотмана, который был скорее постструктуралистом и умножал семиотику на свою широчайшую эрудицию и аналитический дар. Таковы и работы А. К. Байбурина. Если бы кто-то захотел подражать Байбурину, он столкнулся бы с существенными трудностями: Байбурина подражать непросто. Его интерпретативный подход с пристальным вниманием к символическим аспектам поведения, с унаследованным от позднего Лотмана интересом к динамике культурных систем всегда предлагает читателю захватывающее интеллектуальное приключение.

Одна особенность А. К. меня всегда особенно впечатляла: способность просто говорить о сложных вещах, наводя в них порядок. В условиях «горячей» культуры, нагромождающей информацию и публикующей столько книг и статей, что даже специалисту ознакомиться со всеми хотя бы в одной какой-то области едва ли возможно, роль ученого, предлагающего теоретические обобщения, состоит в «сжатии» информации. С этим связана и одна из важных функций научного руководителя: он должен показать ученикам книги, которые нужно прочитать, и одновременно указать на те, которые читать всерьез не следует, хотя многие читают. Метафорическая «Шинель» на самом деле очерчивает круг, куда входят идеи и книги, на которые она ссылается, но и — опосредованно — такие, которые были важны для тех авторов, которые повлияли на А. К. При этом парадоксальным образом этот круг не замкнут, он притягивает к себе новое и обращен в будущее. Потому что научная школа, об интеллектуальной генеалогии которой когда-нибудь появится отдельное исследование, является живым организмом.

Фестшриффт, в сущности, оказывается инструментом осознания себя, необходимым этому сообществу, неслучайно тяготеющему к двум центрам: факультету антропологии Европейского университета и журналу «Антропологический форум». Неслучайно — потому что и факультет, и журнал когда-то были придуманы и созданы Байбуриным.

Библиография

- Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета: Этнографический очерк. Л.: Наука, 1990.

от друзей и коллег

Николай Вахтин

Congratulatio Baiburō

Сплошные загадки.

Во-первых, как назвать. Латынь — язык загадочный, и чем отличаются друг от друга *gratulatio*, *congratulatio* и *salutatio* — Бог весть. Поставлю более знакомое.

Во-вторых, падеж. Ясно, что дательный, поскольку поздравления — *кому*, но вот какого склонения Байбурин? Пусть будет Байбуэр — как *ruer*.

В-третьих и в-главных, жанр. Не-учеников просили статей не писать, и хотя на самом деле я у Байбурина очень много чему научился, все-таки формально на статус ученика претендовать не могу.

А если не статья — то что?

Стихов я не пишу, а то написал бы сонет. И начал бы так:

Суровый Дант не презирал сонета...

Начало надежное, проверенное, многократно пародированное. И я бы спародировал — но не дал Бог таланта.

Или так начал бы:

Есть книга чудная, где с каждою страницей...

Непонятно только, про какую книгу речь, но дальше можно было бы, изящно намекая и рассыпая аллюзии, уточнить и рассказать про важность жилища. Или ритуала. Или паспорта, на худой конец.

Или так:

Есть тонкие властительные связи...

И дальше я бы красиво расписал, какие они тонкие, и какие властительные, и как они меня всю жизнь поддерживают...

Но увы. Не то что на сонет — на простые четыре строчки не способен.

Тогда что? Ну не адрес же писать... Что может быть нелепее чтения человеку на лицо перечисления его заслуг?! «Вы создали... Вы опубликовали... Вы научили нас... Трудясь неустанно, Вы осуществили...» Нет уж.

Что остается? Остается только тост — старый верный друг, никогда не подводивший.

Итак, тост (читать с легким кавказским акцентом).

Дорогой Алик, дорогой друг. Наше счастье было бы неполным, а горе — безмерным, если бы мы в этот день не выпили за тебя. Мы все это чувствуем — но почему? почему мы это чувствуем?

Чтобы это понять, нужно представить себе на мгновение, что последние несколько десятков лет ты не жил в Петербурге. Ну, например, после Тарту остался там при университете. Или уехал в Москву. Или в Ригу. Или в Торонто. Ужас, правда? Только представив себе, чего бы мы лишились, мы осознаём в полной мере, почему мы должны за тебя немедленно выпить.

Чего бы у нас не было? У нас не было бы факультета антропологии, в девичестве этнологии, Европейского университета, а значит — у нас не было бы не только работы и денег, но и многих десятков молодых и талантливых его выпускников. (На самом деле не факт, что без твоих усилий и очень своевременных мыслей у нас был бы и сам Европейский университет.) Этот факультет сделал ты, и этих выпускников обучил ты, дорогой.

У нас не было бы классических книг — а книга становится классической тогда, когда ее идеи не просто овладевают массами, но и как бы теряют автора; молодые уже не всегда помнят, кто это придумал, — это общее, фоновое научное знание, это «всегда было», это «всеизвестно»... Но эти книги написал ты, дорогой.

У нас не было бы журнала «Антропологический форум», который за десяток лет стал — если оставаться в рамках скромности — одним из лучших русских журналов по этой специальности и который ты с потрясающим упорством, талантом и терпением тянешь изо дня в день, не давая уронить «планку».

У нас не было бы друга, при встрече с которым губы сами расползаются в радостной улыбке и резко поднимается настроение.

Но нет, слава Богу, ты не уехал ни в Москву, ни в Торонто, ты тут, ты с нами, и поэтому все это у нас — есть! (И многое другое, но тост нельзя слишком затягивать.)

Теперь, надеюсь, всем понятно, почему в этот день для полностью счастья нам остается лишь выпить за здоровье и процветание Альберта Кашфулловича Байбурина, и пожелать ему, как положено, «до 120».

Георгий Левинтон

А. Байбурину — акrostих

Ах, Алик, друг мой, не пора
ЛЬ тебя поздравить с юбилеем?
Банзай! Виват! Гип-гип, ура!
Еще слова найти сумеем.

Рак, Скорпион — пошла игра!
Тебе же — спорить не посмеем —
Быть Девой, а не Водолеем,
А там... ну и et cetera.

Йорк, а порой Йошкар-Ола —
Без них не вытянуть вола,
Увязнувшего с головою.

Рождения день и жизни путь,
И все, что не упомянуть
Нельзя, увидевшись с тобою.

«Что-то с памятью моей стало...»

На этот мотив, который с возрастом все прозрачнее, 10 лет назад я сложил Алику куплет. Песня была посвящена событию в жизни Парижа (29 марта 2004 г.), на котором я имел честь присутствовать — присвоению Альберту Байбурину *Nonogis causa* Сорбонны.

Во-первых, это было красиво. Один из лучших амфитеатров просвещенной Франции, вмещающий 1000 умных людей. По углам — статуи де Сорбона и Декарта, Паскаля и Ришелье. Полный зал. На сцене средневековый человек. Он стучит палкой об пол и провозглашает: «Университетская власть!» Появляется не администрация в галстуках, а профессура в желтых мантиях. Декан Сорбонны рассказывает собравшимся про А. Б., а потом на трибуне появляется он сам — бледный и нарядный. А. Б. лихо произносит французскую речь. Люди хлопают, кто-то плачет, де Сорбон улыбается благосклонно. На А. Б. надевают такие же желтое пальто и черную шапку, как у всех на сцене. Одетый для прогулки, А. Б. выходит на улицу курить (к сожалению, не могу найти его фотографию на *vue des Ecoles* — в мантии, с сигаретой, в окружении изумленных парижан).

Во-вторых, это была минута истины, минута, которая выпадает редко, а чаще не выпадает. На сцене рядом с А. Б. еще два лауреата — иорданский принц Эль Хасан Бин Талаль и знаменитый японский дирижер Венской оперы. Им сказали, что до А. Б. почетными докторами Сорбонны становились только два человека из России — Мстислав Ростропович и Михаил Горбачев. Думаю, что научных публикаций у них всех вместе все же меньше, чем у А. Б.

Наконец, это была светлая минута и для меня. Ведь гордиться друзьями — светлое чувство. Об этом и была песня, которую я сегодня хотел напомнить юбиляру.

С новым юбилеем тебя, дорогой!

Желтое пальто

А. К. Байбурину на 60 лет

Много Бартов на Руси стало,
 Леви-Строссы по всему свету!
 Лишь таких, старик, как ты, — мало!
 Ну, а проще говоря — нету!
 Про себя ты говоришь — редко.
 Но лишь выше оттого — планка.
 (Все-таки правильный пацан — ректор:
 Не позволил замотать пьянку!)

А у Алика брови раскосо нахмурены.
 А в глазу мысли — в глаз, а не в бровь!
 И когда шестьдесят подступают к Байбурину,
 Я признаю однополюю эту любовь!

Алик знает до черта лет нас,
 Но и с нами не поет хором —
 И про «Как определить *Этнос?*»
 Он ни разу не писал в «Форум»!
 Каждый вывих мозговых клеток
 Аспиранткам вправит он — мигом!
 Как нам, други, уберечь деток
 От татарского его ига?!

В колесе ты крутился ну прямо как Бонни-Эм —
 Время камни нам в почках пришло собирать.
 Отравил ты всех в Оксфорде антропо-лонием!
 Рюмкой клянусь! (Катриона не даст мне соврать!)

Сколько помню — так всегда было:
 На кунсткамерном ты был троне.
 И, как прежде, никакой силой
 С трона Алика нельзя стронуть.
 Не обучен он вещать в рупор.
 Грубо с истинами не лез к нам.
 Коль про истину писать — глупо,
 Он и пишет без затей — с блеском.

Для народа статьи Алик лепит без паузы,
 Но я слышал в маршрутке, как стонет народ:
 Отчего в мире мало гонорисов каузы?!
 Отчего ж как-то больше все — наоборот?!

Рубишь правду ты про быт буден!
 Топором срубил ты дом в Луге!
 «Ритуалом» оказал людям
 Ритуальнейшие услуги!
 Про избу ты настрочил тонны.
 В темной печке все искал — дали.
 Выносился этот Сор-в-бонну,
 Где вам новое пальто дали.

Ах, пальтишко ты желтое, прямо, как легкие!
 Шапка импортная — набекрень!
 Битый час слышал в зале то ахи, то охи я,
 Алик вешал свой спич на французский плетень.

Осень мантию листвы гонит.
 На Васильевский метет остров.
 Пусть помедленней несут кони!
 Пусть помедленней текут тосты!
 И пускай на берегах Невки
 Прозвучит сегодня тост главный:
 «Пусть боятся Вас еще — девки!
 Пусть цитируют еще — парни!»

На кардан Мерседесов ты годы наматывал,
 Как княжон, ты бросал лихо годы — за борт!
 Закипает на Стрелке твой шестидесятый вал —
 Отряхни ж клочья пены с высоких ботфорт!

Катриона Келли

Виновнику торжества

С Альбертом Кашфулловичем, или Аликком, как он тогда велел мне его называть (с тех пор так и зову), я познакомилась в июне 1990 г., когда наши друзья Ксана Кумпан и Альбин Конечный решили, что он мог бы написать рецензию на мою первую книгу. По крайней мере, мне помнится именно так. Когда где-то в 2003 г. я при Алике сказала об этом кому-то из друзей, он возразил в своей неподражаемой манере: «Нет, не тогда, конечно. Раньше...»

И может быть, он был прав. В конце 1980-х было много мест, где мы могли бы встретиться или хотя бы оказаться в одном помещении. Например, однодневная конференция по этническим меньшинствам в Кунсткамере, когда, едва ли не впервые за десятилетия, состоялась дискуссия об ингерманландцах. Или митинг в поддержку Армении во время Карабахского конфликта. Помню, как я ходила на один такой где-то на Невском проспекте, и Галина Старовойтова, друг и коллега АБ по Кунсткамере, произнесла сдержанную, но вдохновенную речь. Может быть, АБ заметил меня, когда я заходила в Кунсткамеру вместе с Альбином в 1985 г.: в те времена иностранцы нечасто попадались в кунсткамерном закулисье. Или, может быть, наши пути пересеклись в 1988-м, когда Ян, мой муж, впервые приехал в Россию? (Особенно яркое впечатление произвела на него схема эволюции рас в одном из кабинетов Кунсткамеры: до того он встречался с подобной объяснительной системой только в работах по истории теории эволюции.) Как часто бывает с дружбой, не так уж важно, когда и как все началось: начал могло быть и несколько.

Как бы то ни было, после той первой (или не первой) встречи в квартире Конечного—Кумпан на улице Беринга (бывшая Детская) окнами на Смоленское кладбище Алик любезно предложил меня подвезти, что было исключительно уместно, поскольку состояние общественного транспорта уже приближалось к самому дну того упадка, которого оно достигло в годы «шоковой терапии». Теоретически шестой трамвай довозил меня от двери до двери, но ожидание могло длиться вечно, что давало возможность, дрожа под морозящим дождем или прячась в воротник от пронизывающего ветра с Финского залива, наблюдать многочисленных жертв самогона: иногда их осторожно волокли через улицу, но чаще они, пьяные вдрызг, просто валялись в живописных позах на обочине. Алик был на тот момент чуть ли не единственным из моих знакомых, у кого была машина, и уж точно единственным, кто водил с таким изяществом, когда направлял свой кофейного цвета хэтчбек прямо на торчащие трамвайные рельсы Васильевского острова и Петроградской стороны по дороге к моим друзьям, у которых я останавливалась (они жили напротив гостиницы «Ленинград», в квартире, которую я потом купила, — то ли причуда судьбы, то ли рифма истории).

Он понравился мне сразу же. Поразительно умный, он начисто лишен заносчивости и желания доминировать, нередко сопровождающих высокий интеллект. В отличие от многих ученых, он прост в обращении, лишен напыщенности и искренне считает погоню за карьерой откровенно нелепым занятием. Еще одно совпадение: та первая встреча случилась сразу после моего приезда в Ленинград, вслед за тремя неделями в Тарту. До этого я наблюдала советскую научную жизнь только в университете Воронежа, где я стажировалась в 1980—1981 гг. Там скучающие студенты играли в крестик-нолики, смотрели в окно или перешептывались (впрочем, довольно громко), пока лекторы бубнили обязательные советские формулы. Расслабленная атмосфера Тарту, неподдельное внимание к студентам и уважение к интеллектуальному поиску произвели на меня сильнейшее впечатление. Незабываемы были и теплота и участие Юрия Лотмана («ЮрМиха») и Зары Минц. Алик — из этого мира: студенческие годы, проведенные там, — это только часть картины, но ему повезло оказаться там, где интеллектуальная честность и неприятие воображаемой изоляции (несмотря на статус закрытого города, присущий тогда Тарту) были свойственны целому кругу людей.

Помню, что мы с АБ снова встретились в 1991 г. (водка и заздравные тосты после триумфальной победы над путчем 19—21 августа). И потом тоже: помню его рассказы о Кунсткамере, где он тогда исполнял обязанности директора, — о трудностях с частной фирмой, которая продавала билеты с наценкой, и о какой-то

особенно беспардонной краже, когда кто-то выбросил во двор бенинскую бронзовую голову. (Я не поручусь за детали, но хорошо помню тот характерный, сдержанный полуироничный, полувозмущенный тон, которым он рассказывал эти истории.) Помню еще, как, пытаясь хоть чем-то помочь, связалась с приятелем из западного издательства и спросила, не хотят ли они опубликовать книгу о Кунсткамере (я надеялась, что она может принести институту какие-то деньги и публичное внимание). Но мне сказали, что для этого нужно «специализированное издательство» (что бы это ни значило), так что все, что я могла сделать в те интеллектуально бодрящие, но тяжелые времена, это посылать АБ книги, которые могли ему пригодиться, что я и делала время от времени.

В то время я не так часто приезжала в Россию, всего раз в год, обычно летом. Тогда невозможно было получить финансирование для исследовательской поездки, если ты не был политологом — эффект гласности. Я прекратила попытки где-то после 1987 г., когда Британский совет (в то время основная организация, занимавшаяся академическими обменами для студентов и исследователей) отверг мою заявку на архивную работу для книги, которую в итоге и рецензировал Алик: исследование о Петрушке, антигерое уличного театра. Политологические отчеты о текущих событиях конца 1980-х сейчас не читает никто, а тираж книги «Петрушка. Российский карнавальный кукольный театр» допечатывается до сих пор, 27 лет спустя. На самом деле уже к 1989 г. стало очевидно, что коммерческая культура периода поздней Российской империи не менее релевантна для понимания событий настоящего, чем традиционные советологические темы. Но отсутствие к ней интереса у Британского совета на тот момент создавало серьезные препятствия. Я кое-как перебивалась с помощью всяких языковых курсов, на которые в итоге, конечно, не ходила, и разного рода академических обменов, но устраивать все это было очень непросто.

Прошу простить мне эту эгоцентрическую интерлюдия: я только пытаюсь сказать, что в тех обстоятельствах мы с Аликом не могли видеться часто, но мы встречались каждый раз, когда я бывала в Петербурге (именно так в нашем кругу называли этот город задолго до официального переименования), и эти встречи были очень важны, по крайней мере для меня. Тогда не так просто было найти кого-то, кто бы одновременно занимался народной культурой и всерьез интересовался западной теорией. Эта революция началась в 1990-е гг., и АБ был одним из ее предшественников.

В своей рецензии на «Петрушку», которая из-за тогдашней ситуации в издательском деле в России вышла не сразу, а только через несколько лет, кажется, в «Живой старине» (ее нет в библио-

графии работ АБ, поэтому проверить это непросто¹), он высказал одно из самых пронизательных замечаний, какое я когда-либо слышала о своей книге: что я задаю вопросы (о природе смеха), на которые не существует ответов. Звучит, как констатация фундаментального различия в подходах, и в каком-то смысле так оно и есть, хотя мне кажется, что на самом деле различия — в нюансах: во всех книгах АБ есть большие вопросы, но они прячутся между строк. Ответы на вопросы о социальном контроле и культурной трансмиссии, которые подспудно ставятся в книгах АБ о ритуале и о паспорте, найти, наверное, ничуть не легче. Но если такого рода проблематику поместить в самую толщу исследовательского текста, она по крайней мере точно не будет отзываться гулким эхом пустоты, как это, вероятно, произошло в книге, которую я, двадцати с чем-то лет от роду, написала о народной культуре, упиваясь своей отвагой и дерзостью.

Как бы то ни было, наши встречи продолжались, и Алик предложил мне опубликовать что-нибудь в новом журнале по культурной теории и культурной антропологии под названием «Kul'turologiya: The Petersburg Journal of Cultural Studies», в издании которого он участвовал. (Я помню, что, прочитав «Петрушку», АБ сказал, что это «культурология» — этого слова я до того никогда не слышала, и тогда оно еще не имело того зловещего звучания, которое появилось в конце 1990-х гг., когда полчища безработных преподавателей диалектического материализма начали на скорую руку клепать бесчисленные истории зеркала от Римской империи и до вчерашнего утра.) Я отправила туда текст о репрезентациях домашних слуг в российских «толстых журналах» конца XIX в., который написала для конференции по народной культуре году в 1992-м. Но журнал перестал выходить из-за недостатка финансирования, и эта статья была в конце концов опубликована в Италии, а запланированный визит Алика в Оксфорд сорвался, потому что истек срок действия его заграничного паспорта — их тогда выдавали всего на пять лет. Он приехал в Оксфорд только в 2003 г., хотя в Кембридже побывал на десять лет раньше вместе с группой создателей ЕУСПБ.

Помимо всех этих «невстреч», впрочем, я помню, как в первый раз зашла к АБ в Европейский университет вскоре после его открытия (году в 1997-м?) и как он показывал мне роскошные интерьеры, новый компьютерный класс и все прочее. Потом у нас даже была официальная встреча, которую организовал Иностраннный отдел Российской академии наук. Они там из кожи вон лезли после

¹ Составители благодарят Катриону Келли за указание на этот текст: он внесен в список трудов Альберта Кашфулловича в этом сборнике, см. п. 114. — *Прим. ред.*

скандала, который устроила Британская академия из-за того, что приехавших с разнообразными визитами размещали в кошмарном здании на проспекте Энгельса, где летом отключали горячую воду, а в комнатах приходилось выбирать: открыть окна и терпеть оглушительный рев уличного движения и тучи комаров или закрыть и задохнуться. После этого где-то около года РАН проявляла усердие и действительно читала «исследовательские планы» своих заграничных гостей и пыталась чем-то помочь. В результате у меня был забавный опыт, когда мне сначала зачем-то устроили беседу с каким-то аппаратчиком, который советовал мне почитать Ломоносова («А, балтийский моряк», — сухо сказал Алик), а потом — официальную встречу с Альбертом Кашфулловичем Байбуриным, как будто мы не были знакомы до этого. (Я тогда работала над исследованием литературы о поведении, опубликованным под названием «Refining Russia», и книга АБ и Андрея Топоркова «У истоков этикета» пришлось очень кстати — я храню, как сокровище, свой подписанный экземпляр, так же как и «Ритуал в традиционной культуре», который АБ подарил мне, когда он вышел.)

Где-то около 2002 г. все изменилось, мы с АБ стали видеться гораздо чаще. Как сказала Вирджиния Вульф в эссе «Своя комната», «невозможно всю жизнь оставаться школьницей в библиотеке», хотя, конечно, попытаться можно. Всю свою исследовательскую жизнь я корпела над книгами, а тут вдруг погрузилась в архивную работу и устную историю. После «Refining Russia» я хотела выпустить монографию о российских иллюстрированных книгах для детей, но в издательстве Йельского университета мне сказали, что это слишком «узко» и предложили написать общую историю российского детства. Сначала я была настроена очень скептически: по силам ли мне столь масштабное предприятие? Но оказалось, что грандиозность задачи очень стимулирует. Выяснилось, что частные вопросы внутри этого поля практически не исследованы (единственная хорошо изученная область — это история образования). Одному человеку было явно не под силу одолеть эти груды нетронутого первичного материала, а кроме того, в документах мало что говорилось о частной жизни детей. Так что я подала на грант фонда Леверхюльма для изучения документов и организации устно-исторического проекта, получила его, и АБ очень помог мне советом и моральной поддержкой и свел меня с интервьюерами, в том числе с Александрой Пиир и Екатериной Мельниковой, чья работа легла в основу моей книги. Помню, что он предлагал и темы для вопросника, в том числе такие, о которых я сама никогда бы не подумала.

В 2005 г. АБ вместе с Алей Пиир и Ильей Утехиным приехал в Оксфорд на конференцию «Поколения в Европе», которую мы организовали со Стивеном Ловеллом. И конечно, я с самого на-

чала принимала участие в издании «Антропологического форума». Моя статья «Школьный вальс» вышла в первом номере, как и мой комментарий относительно современного состояния исследований культуры, и с тех пор я занимаюсь английскими выпусками журнала с помощью Ольги Бойцовой и Александры Касаткиной, а также целого созвездия великолепных переводчиков. Мне также доводилось переводить какое-то количество статей АБ, и это всегда было истинное удовольствие (чего не скажешь обо всех русскоязычных авторах научных текстов).

Всем известно, что с АБ очень приятно работать: его справедливость и исключительная добросовестность во всем, за что он берется, настолько велики, что нередко всерьез усложняют ему жизнь. Для баланса (как он сам любит выражаться) стоит, наверное, добавить, что он бывает ворчливым или требовательным, а иногда — и то, и другое вместе. Однажды, когда только начинался «Антропологический форум», я не отвечала на его электронное письмо с предложением возможной темы для «Форума» или чем-то подобным целых... о, ужас!.. наверное, минут сорок. Открыв почтовый ящик, я обнаружила упрек следующего содержания: «Катриона, ты что молчишь? Ты обиделась? Тогда давай не будем работать вместе. Я такого рода капризы категорически не выношу». Но хотя тогда мне это совсем не показалось забавным (теперь — кажется), всякий, кто знает Алика, знает также, что его раздражительность мимолетна. (Когда я объяснила, что просто была занята и потому не ответила на письмо, я тут же получила искренние извинения.) И будем честны: у меня у самой горячий нрав, и я не раз бывала признательна АБ за умение прощать и забывать. Так или иначе, в более формальных обстоятельствах, со студентами, приезжими коллегами, с аудиторией своих всегда отточенных и безупречных выступлений АБ проявляет образцовое терпение и любезность. И если на долю старых друзей и достается случайная минутная вспышка, от этого их приязнь только растет.

Как бы то ни было, эта дружба, пусть даже временами она кажется чрезмерно требовательной, основана на неколебимой верности. Я имела возможность это оценить, в частности, когда Юрий Дружников (советский журналист, потом — преподаватель американского университета, который на тот момент уже пребывал на поздней стадии распада личности) обвинил меня в краже материала из его книги о Павлике Морозове при содействии российских спецслужб. Удивительно, как много людей оказалось готово поверить этой чепухе, включая редколлегию журнала «Вопросы литературы». Пока Дружников просто писал письма всем, кому я выразила благодарность в книге, и в различные электронные рассылки, я могла это игнорировать, но публикация в уважаемом журнале требовала ответа. В то время как некоторые другие симпатичные

мне люди, которым я доверяла, ответили классическим «нет дыма без огня», или самоуверенно заметили, что обвинения в плагиате почти невозможно опровергнуть, Алик без колебаний охарактеризовал излияния Дружникова как идиотские и очень помог мне в составлении адекватного ответа. Я всегда буду благодарна ему за этот типичный для него пример деятельной доброты.

Пока я писала все это, мне вспомнилась фраза Петра Вяземского, сказанная в ответ на вопрос, будет ли он писать в сборник памяти Пушкина: «Пусть напишет тот, кто его хуже знал». Друзья Алика слишком хорошо знают, как он не любит долго оставаться в центре внимания, как уезжает из города, чтобы избежать поздравлений с днем рождения, и какой неподдельный ужас наводят на него юбилеи. Этот опасный блеск глаз из-под нахмуренных бровей прекрасно поймал Александр Ходот в фотопортрете, сделанном к шестидесятилетию АБ. Но я думаю, Алик, будучи специалистом по ритуалу, прекрасно понимает, что эти ритуалы необходимы другим — так они могут выразить свои восхищение и любовь, даже если «виновник торжества», как зловеще называет это русский язык, совсем не получает от этого удовольствия. Как бы то ни было, если Алик вообще соберется с духом, чтобы это прочесть, надеюсь, он порадует, что при всех своих недостатках этот текст, в отличие от всего остального, что я когда-либо для него писала, по крайней мере *короткий*.

Юрий Березкин

Альберт Кашфуллович в молодости

С Альбертом Кашфулловичем, в смысле с Аликом, мы познакомились в колхозе — то есть в совхозе — на финской границе. Колхоз наш был элитарный — не картошка какая-нибудь, а сено. Раз меня бросили на суперфосфат, но Леня Равнушкин спас. Он тяжелоатлетом был и ему эти мешки носить — необходимая тренировка. А так почти всегда сено. Вот там-то все всё и рассказывали. Иногда также в бараке, который, правда, сгорел вместе с каким-то заводским мужиком, но был ли тогда Алик, точно не помню. (Кстати, собранное сено на общем складе тоже регулярно сгорало целиком и полностью — мы об этом узнавали на следующий год.)

Рассказы Альберта Кашфулловича складывались в два цикла. Первый — это его работа крановщиком в порту Ейска, а второй — годы ученья в Тартуском университете. Помня суть дела и некоторые подробности, я, к сожалению, не могу воспроизвести последовательность эпизодов, да и сами эпизоды не все сохранились в памяти. Из ейского цикла наиболее значительны два. Большой порталный кран, способный поднимать танки и паровозы. Алик в роли практиканта сидит в кабине на заоблачной высоте. Его друзья цепляют к крюку внизу (крюк метра два в поперечнике на соответствующего размера цепи) леску, на ней крючок. Когда рыбка бычок хватает наживку, крановщику подается сигнал, он включает реле или что там, после чего цепь, со страшным грохотом наматываясь на какой-то немислимый барабан, поднимает крюк, а за ним и крючок с бычком. Так рыбу ловили.

Второй эпизод таков. Алик опускает какой-то груз тонн на десять в кузов соответствующего размера грузовика. Внезапно

груз начинает быстро удаляться, то есть падать из-за притяжения земли, и практически в тот же момент четыре (или шесть?) колес этого грузовика катятся в разные стороны. Как позже выяснилось, кто-то то ли украл, то ли сэкономил золотые контакты, заменив их позолоченными, в результате чего произошло короткое замыкание (наверное) и груз, вместо того чтобы плавно опускаться в кузов, упал, полностью истребив грузовик.

Тартуский цикл длиннее и разнообразнее. Высвечиваются лишь обрывки, большинство эпизодов не помню. Яркая и трагическая история была про эстонских ребят, которых мобилизовали на военные сборы. Как-то они решили отправиться в населенный пункт за спиртным, но, не имея других транспортных средств, приехали туда то ли на танке, то ли на БТР. Их отчислили и забрали в настоящую армию.

Другая история про сдачу экзамена по технике безопасности. Один из вопросов был «Какой ширина койка пане?» (полка в бане). Что ответил Алик и сдал ли он этот экзамен (наверное сдал), не помню.

Историю про преподавателя философии Макарова пусть рассказывает (очередной раз) сам юбиляр, ибо я ее только испорчу. Но это одна из лучших баек, какие я в жизни слышал.

В заключение еще одна история, уже из более поздних времен, когда Альберт Кашфуллович Байбурин стал сотрудником Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. У Алика была (и есть) сестра, которая вышла замуж и жила в Израиле. Мы нередко обсуждали это обстоятельство. И вот однажды Альберту Кашфулловичу пришло приглашение в Болгарию. Соответственно — райком-обком или что там, в анкете — «сестра в Израиле». И тут выяснилось, что для всего начальства и вообще для половины сотрудников это был гром среди ясного неба. Меня до сих пор поражает: информация из одной половины коллектива в другую не перетекала и не просачивалась, полная изоляция. Созвали открытое партсобрание. В то время директоршей МАЭ была Людмила Михайловна Сабурова, которую за излишнюю ортодоксальность уволили из Василеостровского райкома (говорили, что замдиректора Эрмитажа по хозяйственной части был уволенный за зверство лагерный кум, но за достоверность сведений не ручаюсь). А у Сабуровой была подруга (кажется, тоже славистка), примерно как у снятой с должности президентши Южной Кореи ее наперсница. И вот эта тетка (имени не помню) спрашивает: а кто, товарищ Байбурин, по национальности ваша сестра. Алик отвечает: татарка. Та подумала и спрашивает опять: а ваша жена? Алик: еврейка. Собрание на этом закрылось, Байбурина в Болгарию не пустили, а замдиректора по хозяйственной части (человек был неплохой, но воруя фантастический) подошел и сказал: «Вот так-то, Алик».